

Станислав Букаткин

СВОЯ

Война

2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Станислав Букаткин

СВОя Война 2

«Автор»

2026

Букаткин С.

СВОя Война 2 / С. Букаткин — «Автор», 2026

Момент, когда я решился на написание этой книги, совпал с годовщиной получения мной тяжелого ранения. Поэтому, думаю, будет справедливо начать именно с этого события. На этот раз судьба позволила мне стать командиром подразделения беспилотных летательных аппаратов. Подразделения, без которого невозможно теперь представить боевые действия в принципе. Также мне посчастливилось заглянуть за ширму полевых штабов, где в подвальных импровизированных кабинетах принимаются решения, обычно находящиеся в компетенции Бога — кому жить, а кому умереть. Надеюсь, что мое воспоминание, напечатанное на бумаге, внесет вклад в истинное понимание этой и других войн, чтобы те, кто будут жить после нас, сделали все, чтобы это предотвратить. Военным и гражданским, живым и мертвым, по собственному желанию или по неволе ставшим участниками СВО посвящаю.

© Букаткин С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	6
22 января 2024 года	8
Контракт	12
Госпитали	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Станислав Букаткин

СВОя Война 2

ДОРОГОМУ ЧИТАТЕЛЮ

ИНСТРУКТАЖ

Мы, нижеподписавшиеся, тем самым подтверждаем, что прошли инструктаж по требованиям безопасности при обращении с данной книгой. Мы ясно представляем себе, что края бумаги остры и могут представлять для нас опасность, а также, упав на ногу, даже с небольшой высоты, книга своим весом может причинить вред. За ущерб, который может нанести ее содержание, мы не переживаем, ведь нам никогда не приходилось покупать себе экипировку, инструменты, автомобильную и мототехнику и разведывательные дроны, а также детали к ним. Нам всегда выдавали все необходимое для выполнения боевых задач в условиях современной войны. В боевой обстановке наши командиры всегда говорили правду и не брали кредитов, чтобы угодить старшему начальнику ценой гибели людей. Отечественная связь всегда работала отлично, и мы использовали старлинки лишь тогда, когда нужно было обмануть противника. Каждый раз, наблюдая за переговорами, мы с придыханием ждем, когда дипломаты выйдут и сообщат нам о том, что встреча прошла продуктивно. Поэтому, какие бы выдумки мы ни встретили на страницах этой книги, мы им не поверим.

№	Звание	Фамилия	Л/Н	Дата	Аккаунт в «Телеграме» МАХ	Подпись инструктируемого

«__» _____ г.

Дата

_____ Командир подразделения

Предисловие

Момент, когда я решился на написание этой книги, совпал с годовщиной получения мной тяжелого ранения. Поэтому, думаю, будет справедливо начать именно с этого события. Однако большая часть повествования одного из участников специальной военной операции все же будет посвящена не медицинской и тактической подготовке и даже не внутренним ощущениям обыкновенного бойца на передовой. На этот раз судьба позволила мне стать командиром подразделения беспилотных летательных аппаратов. Подразделения, без которого невозможно теперь представить боевые действия в принципе. Также мне посчастливилось заглянуть за ширму полевых штабов, где в подвальных импровизированных кабинетах принимаются решения, обычно находящиеся в компетенции Бога — кому жить, а кому умереть.

Как и в прошлый раз, я заявляю о том, что не ставил целью кого-либо дискредитировать. Моей единственной целью является зафиксировать личные воспоминания об этой трагической странице нашей отечественной истории. Надеюсь, что мое воспоминание, напечатанное на бумаге, внесет вклад в истинное понимание этой и других войн, чтобы те, кто будут жить после нас, сделали все, чтобы предотвратить кровопролитие, насколько это возможно, с учетом наших национальных интересов.

Я не пацифист и прекрасно понимаю, что быть добреньким в мире лицемерных и бандитских государств невозможно. Но я также понимаю, что войны начинаются задолго до первых капель крови. Они начинаются тогда, когда дипломаты позволяют годами водить себя за нос и месяцами разъезжают по миру на бестолковые встречи. Будто их работа, за которую они получают жалование, связана со сферой туризма, а не борьбой за национальные интересы. Война также начинается, когда службы разведки ковыряются в носу, а не формируют с утра до ночи подполье на территории вероятного противника, опираясь на которое потом можно будет выполнить боевую задачу. Также битвы становятся кровопролитными тогда, когда великозвездные лампасные паркетходцы зарабатывают на армии для своих семей за рубежом, а не готовят страну к войне. Например, целые войска связи с их главным управлением, в обязанности которых входит в том числе планировать связь с учетом возрастающей необходимости, не могут не только спланировать, но даже обеспечить текущие потребности, выдумывая свой собственный мир, в котором терминалы спутниковой связи «Старлинк» не применяются нашими войсками, за исключением случаев обмана противника.

Прочитавшие эту книгу даже через десятилетия должны узнать или вспомнить, почему, несмотря на все вышесказанное, мы не проиграли. Не проиграли мы, потому что тяжесть первых лет войны легла на Русский народ и Русских солдат. Когда преступления, у которых были Фамилия, Имя и Отчество, заметались под ковер, Народ и Армия выстояли. Потомки, вы должны знать, Народ и Армия сами себе все покупали. Мобилизованных одевал народ! Штурмовик ездил на машине, которую ему дал народ! И зачастую даже заправлял он эту машину на свои деньги. Народ организовал связь в войсках, купив солдатам радиостанции в Китае, спутниковые терминалы в других государствах и тысячи километров оптоволокна. Солдат бегал в бронежилете, купленном со своей «огромной» кровью заработанной зарплаты и накладывал жгут из аптечек «Народного фронта».

Народ привык и уже не ждет результатов от дипломатов. Все реже звучат обсуждения про очередные переговоры, а зачастую размышления об этих блеяниях стали моветоном и табу. Конечно, когда придет время настоящих переговоров о капитуляции нашего врага, они поднимут головы и вспомнят о том, что они много встречались в Майами и Дубае и как они трудолюбиво приближали эту победу. Я думаю, что у Армии и Народа это вызовет лишь раздражение, потому что главные переговоры и подписание документов должны вести только военные и волонтеры, стоящие за их спиной, потому что роли иных в этой войне не было.

На момент написания этой книги нашей победы еще не наступило, но есть ощущение, что самое тяжелое уже позади. Надеюсь, что так оно и есть.

Эту книгу я посвящаю всем, благодаря кому мы не проиграли, живым и мертвым. Вы все мне братья и сестры. Я вас помню.

22 января 2024 года

Поправив рюкзак с парой антенн и прочим оборудованием для управления дронами-камикадзе, я взглянул на экран телефона и зафиксировал время и дату: 5:10, 22 января 2024 года.

— 22-е... Не трудно будет запомнить, у меня день рождения 22-го.

Почему-то я подумал об этом. Поправив шлем, активные наушники и проверив доступ к радиостанции на своём дорогушем бронезилете, я вышел из блиндажа, путаясь в двух спальных мешках, висящих на входе вместо дверей. Это время было выбрано не случайно. С пяти до шести утра в этот сезон «серое» время, здесь так называют период, когда уже не ночь, но еще и не день. Считается, что в это время дневные дроны еще не работают, а ночные уже завершили свою работу. Маловероятно, что это так, ведь разведывательные дроны летают не с ночными камерами, а с тепловизорами, но все-таки для своего успокоения все в это верят и я тоже. Над нашей еле живой посадкой действительно сейчас тишина. Не слышно ни рваного жужжания мавиков, ни завывающего пищания «заноз» — так здесь называют FPV-дроны. И я, продираясь сквозь ветки, начинаю движение.

На улице январь, но снега совсем нет. Если быть точнее, сейчас под моими ногами снег лежит толщиной словно в одну снежинку, и стоит мне только наступить на него, как моя стопа тут же испаряет его, утопая на сантиметр в немного подмерзшей грязи. Местами по дороге я встречаю ямы с застывшей на поверхности водой. Раньше я бы не упустил возможности наступить на эти хрупкие чипсы из льда. Но здесь не место для развлечений. Не только слух, но и все другие органы чувств направлены на анализ угроз — и в первую очередь угроз, сходящих с небес.

В 5:40 машина эвакуации будет на точке сбора. Времени мне хватит, если сильно не тупить, да и желания сидеть в избитой серой посадке тоже нет. Как же сильно война изменилась со времен 2022 года. Прошло меньше двух лет, но это две совершенно разные войны. Вокруг только голые, пепельного цвета стволы деревьев с ампутированными остатками веток, норы, блиндажи да окопы. Сейчас холодно, и к грустному пейзажу еще не присоединился его величество запах... неприятный, отталкивающий, всем своим существом напоминающий, что стоит только тебе проявить неаккуратность и неудачливость, как вдруг ты станешь резко никому не нужен и противен. И тогда уже не спеша придется тебе в своей неестественной позе, с застывшей кривой гримасой лежать днями, а может, неделями среди живых или таких же мертвых, как ты, в переходящей из рук в руки посадке.

Я не заметил, как быстро протопал половину пути, пока предавался этим раздумьям. Мне показалось, что дронов действительно не было, лишь один мавик пролетел где-то в стороне, да и то, судя по всему, наш. Разрывы минометов, а уж тем более выходы нашей артиллерии меня, как и многих других, уже сильно не пугали, а порой даже не отвлекали. Ком в груди появлялся только при возникновении этого «ж-ж-ж». Ведь все знают — это «ж-ж-ж» неспроста...

— Эй, мужик!

От страха я поскользнулся в колее и упал на бок. И только приглядевшись к источнику звука, обнаружил, что ко мне обращается штурмовик в бело-грязном маскхалате, сидящий у сгоревшего БТР-82 на развилке дорог.

— Зачем так пугать?! Что такое?

— Как пройти в библиотеку?

— А?

— Где железка!?

¹ Железная дорога.

— Вон, прогал видишь в посадке?

— Где все взрывается и горит?

— Именно там.

— Так я и понял, мог и не спрашивать. Встаем, идем дальше, мужики.

Старший штурмовой группы, а с ним еще трое в таких же бело-грязных маскхалатах встали и прошли мимо меня, дальше, туда, где взрывалось и горело.

Я встал и, оглядываясь на них, пошел дальше, вновь предавшись раздумьям: «Зайти за железку — это значит довести вероятность стать 200 или 300 почти до ста процентов». На самом деле понять, куда идти, можно было не только спрашивая у таких, как я. Практически вся тропинка разговаривала с идущими в ад. Кругом валялись элементы экипировки: какие-то ремни, которые, возможно, использовались вместо жгутов, окровавленные бинты, куски одежды, подсумки. В посадке возле блиндажей признаками жизни были замерзшие и не очень бутылки с мочой, а на тропинке бутылки с питьевой водой. Но особенным ориентиром был участок длиной метров в пятьдесят, где покрытая льдом тропинка была красной от крови. По ней группы эвакуации на волокушах вытаскивали погибших и раненых, а также раненые выходили по ней и сами, поэтому она и приобрела такой цвет. Проходя мимо нее, я увидел, как мужик, который держался одной рукой за плечо, медленно шел по тропе, обутый одной ногой в шапку, привязанную к ноге шнурком с другого ботинка. Я вспомнил, как о таком же мужике в шапке на ногу мне рассказывали месяц назад. Тяжелый дрон-бомбардировщик прилетел ночью к одному из блиндажей с нашими ребятами и сбросил бомбу, завалив блиндаж. В нем было четверо. Трое погибли, а одному удалось выжить, и он, выбираясь из-под обломков, застрял одной ногой. Ему пришлось пожертвовать совсем немногим — своим ботинком, и, понимая, что босым ему не дойти, он придумал использовать собственную шапку в качестве обуви. Но боец, который когда-то шел передо мной по тропе, был в шапке, а значит, шапка на его ноге была снята с кого-то другого.

— Стоп, а где мужик? Где красная тропинка?

Я очнулся от своих размышлений и огляделся. Я шел вдоль кустарника, а впереди вдалеке видел высоченные трубы коксохимического завода, который был не нашим. Остатки же двухэтажных зданий Красногоровки, в которую я должен был идти, оказались позади меня.

— Ну нельзя же быть таким растяпой! — сказал я матом.

И в этот момент услышал «Ж-Ж-Ж». Зрачки расширились, появились силы, и я тут же осознал, что имею непреодолимое желание обменять пот на кровь, и рысью начал забег в обратном направлении.

Когда добежал до первых домов, мой спортивный азарт немного угас. Я пошел пешком, рассматривая разбитые деревянные домики, стараясь высмотреть среди них те, в которых был свет фонариков, а значит, и жизнь. Меня сопровождали выходы нашей артиллерии и прилеты снарядов противника. Первые красиво на доли секунды подсвечивали дорогу, раздаваясь искрами, а вторые, кроме прочего, поддерживали темп движения и тонус ягодиц.

До точки эвакуации мне оставалось не больше двух километров, и я уже поравнялся с теми самыми разбитыми двухэтажками, от которых местами не осталось и фундамента. Вдруг палитру звуков наполнил новый, словно шелест и свист низко проходящего самолета. То тут, то там по сторонам от дороги, по которой я шел, стали появляться более сильные вспышки со взмывающими в небо крупными искрами. Справа от меня поле было значительно ниже дороги, и там внизу произошел очередной разрыв, которому я посмотрел прямо в душу. Мне казалось, что он был далеко. Я все так же шел, не задумываясь о том, что нужно хотя бы присесть. Тут нет ничего героического — обыкновенное очарование красотой взрыва и глупость. Внезапно как будто кто-то ударил меня сзади под колени, и я свалился в бетонную канаву. Появилась мысль:

— О, тепленькая пошла.

Что-то горячее потекло по правой руке под бушлатом. Я сразу понял, что ранен, но не знал, ранен ли куда-то еще. Тут первым делом в ход пошла не боль, а страх. Что со мной? Вокруг никого нет, может, я ранен в ноги или живот, успею ли я вообще что-то сказать?

— МУЖИКИИИИ, МУЖИКИИИИИ. ПО-БРАТСКИ!

Никакого ответа. Я лежу лицом вниз, прижав левую руку своим телом и автоматом, в бетонном стоке, когда-то предназначавшемся для дождевой воды. Надо подниматься. Я пытаюсь освободить руку, перевернувшись в сторону, но форма стока, броня и здоровый рюкзак не дают мне это сделать. Начинается паника. Я застрял, как гребаный Винни-Пух. Истеку кровью через несколько минут или даже секунд и просто потеряю сознание. Так и закончится моя жизнь из-за того, что когда-то здесь сделали эту гребаную бетонную яму, в которую и унесет мою жизнь этот водяной сток. В этой яме, считай, уже как в могиле.

— МУЖИКИИИИ. ДА БЛ*ДЬ!

В этот момент одиночество, обида, жалость и злость к себе самому заставили сделать какое-то совершенно непонятное движение как в брейк-дансе и с помощью ног я встал на голову, тем самым освободив целую руку. После чего вышел из западни собственного тела, снова вышел на дорогу и начал быстро брести к ближайшей двухэтажке, продолжая кричать:

— МУЖИКИИИИ!

Я и не думал останавливаться, мотать жгут, не знал, что со мной, и хотел быстрее дойти до кого-то, кто сможет мне помочь, если я отключусь. В движении я понял, что любое действие правой рукой теперь отдается невероятной болью, особенно в локте, и я уже держал ее другой рукой, даже не заметив этого. В локте пульсировало и так же тепло грело кровью, которая капала с пальцев крупными каплями. Ладонь поддерживающей руки также была в крови, просочившейся через бушлат.

— МУЖИКИИИИ!

— Ты чего орешь, как будто тебя убивают?

Из двери здания шел свет, высунулась голова, затем другая.

— Я ранен!

— Ну так заходи, чего как не родной?

Я побрел к двери через когда-то бывший двор. Перед подъездом, где раньше росли цветы, была маленькая металлическая ограда высотой сантиметров двадцать, а дорога шла немного в гору. Я почти перешагнул заборчик одной ногой, как вдруг потерял равновесие и начал падать назад. Руки мои были заняты, помочь себе удержаться на ногах было нечем, и я, пытаясь зацепиться за забор одной ногой, падал с высоты своего небольшого тела на раненую руку.

— А-А-А-А, — хруст, — БЛ*****! СУ***аа...

Мой крик срывался на слезы... Это уже было даже больней чем момент, когда в меня попало.

Мужики подбежали ко мне и подхватили, естественно, под раненую руку завели, вглубь здания. Внутри стояла толпа, мужиков десять. Горел свет, стояли какие-то ящики, снаружи гудел генератор. Я стоял наклонившись. Воины спокойно смотрели на меня, кто-то курил, кто-то, кажется, даже пил кофе из кружки. Сквозь усталость и злость я сказал:

— Может, бл..., кто-то мне поможет? Рюкзак снять? Жгут наложить? Обезболивающее вколоть?

Они опомнились, тут же сняли с меня рюкзак, начали искать у меня жгут. Он у меня был в каждом кармане. Почти в каждом. Но они искали и находили те карманы, в которых его не было, а о существовании некоторых карманов я, кажется, не знал и сам. А мне им помогать было очень нелегко. Вдруг вышел дядька метра два ростом и сказал «Посторонитесь». Помог мне снять куртку. Вокруг все загалдели: «еб*ть», «отрежут». Мужик попросил воды, обильно полил мой локоть, затем то же самое сделал перекисью, после этого взял бинт, смастерил из

него подушку, прикрывающую рану, и плотно забинтовал. Вколол нефопам, надел обратно куртку и дал пить.

— Тебя не тошнит? Голова не кружится?

— Нет.

Пока он не спросил, я об этом не думал, и только я ответил «нет», как у меня подкосились ноги и меня действительно чуть не вырвало.

— Не успеваю на точку эвакуации, надо сообщить.

Я достал радиостанцию из подсумка на своем бронежилете.

— «Медь», я «Реплика».

— На приеме.

— «Медь», я 300, на эваку не успеваю.

Встревоженный голос ответил:

— «Медь», да. Ты где находишься? Мы сейчас отправим машину!

Мужики сказали, что машина не нужна, что в скором времени «Урал» к нам подъедет, я смогу в него прыгнуть и уехать.

— «Медь», я Реплика, сейчас меня соседи подкинут.

— Принял.

Через несколько минут «Урал» подъехал к дому, и добровольцы из «Барса» начали его разгружать.

— Братцы, ну что у меня с рукой-то там?

— Три миллиона есть.

— Хорошо, сникерсов себе куплю.

Они помогли мне закинуть рюкзак с оборудованием для ФПВ, который в то время было гораздо важнее меня, так как это было единственное оборудование в бригаде, а также автомат, броню и шлем. Пора было забираться и мне, но, как оказалось, «Урал» не очень приспособлен для погрузки маломобильных граждан. И, без шуток, шесть старых, но очень добрых мужиков закидывали меня, как мешок картошки, с любовью обсуждая мой вес. Убывающие со мной на «Урале» «барсы» сели в глубину кузова на лавочки, я же уселся где кинули, на металлический пол, и только и думал о том, как вытерпеть все эти ямы да колдобины и не сойти с ума от часового испытания дорогой.

Контракт

В прошлой книге я окончил рассказ тем, что развернулся и ушел из военкомата, размышляя о том, куда поступить на службу. Искал, что было бы наиболее рационально на сегодняшний день. Я долго старался не думать о новом контракте в Вооруженных силах ввиду их бессрочности, но, как бы ни искал других вариантов, в конце 2023 года их практически не было. Частная военная компания «Вагнер» развалилась на несколько организаций и находилась в стадии реформирования во что-то новое. Будущий статус компании, как и статус ее участников, был непонятен, особенно после того, что произошло с его главными руководителями, которые являлись ее духовными и идеологическими лидерами.

Африканский корпус только создавался, и достаточной и исчерпывающей информации о нем не было. Кроме того, ходили байки о том, что туда целенаправленно набирают вагнеровцев, чтобы затем отправить штурмовать на особо трудных участках специальной военной операции на территории Украины, для того чтобы уничтожить организованных и сплоченных мятежников, которые в любой момент могут снова пойти бороться против коррупционеров в верхних эшелонах Министерства Лаоса, которые в итоге ими и оказались. Действительно ли всех добровольцев самой эффективной военной организации в мире хотели убить или нет — мне неизвестно, так же, как и неизвестна истинная судьба Евгения Пригожина и Дмитрия Уткина. В итоге с их уходом все возможные добровольческие батальоны и мини-ЧВК тоже теперь были в Министерстве обороны, только, в отличие от МО, обладали значительно меньшим оснащением, поэтому я их не рассматривал. В итоге я решил вернуться в родную бригаду спецназа.

К этому моменту мой бывший командир группы, который был ранен в первый месяц спецоперации, стал командиром роты БпЛА. Он после восстановления от ранения прошел с бригадой сложный путь. Выполнял задачи в составе штурмовых групп при поддержке танков, выставлял засады, но 2022–2023-й были нелегкими, и это был путь трагических потерь, отступлений, маневров, становления в строй мобилизованных, их обучения, снова потерь, и на этом пути он проявил себя профессионалом, который, кроме всего прочего, успел еще и освоить БпЛА. Я же, все это время находившийся на дальнем направлении, спокойно изучал БпЛА в более легких условиях, попивая кофеек. Теперь же я шел к нему с собранной фиписишкой и записями моих полетов.

— Макс, мало того, что ты предатель, так ты еще и прапорщик!

— И что?

— Что предатель?

— Что прапорщик!

— У меня в роте только две должности прапорщика — это старшина и техник, и эти должности заняты.

— Я готов пойти на солдатскую должность оператора ФПВ.

— Маловероятно, что так разрешат.

— Ну лишите меня звания, значит!

— Я поговорю с комбатом.

— Да, спасибо.

Спустя неделю мой бывший командир вышел на меня и сказал, что это невозможно. Мне, конечно же, предложили должность заместителя командира группы СпН, того, кем я был до «Вагнера», но я, не отказываясь, попросил времени подумать. Сам же пошел искать место, где бы я мог проявить себя в части применения БпЛА. Мне были очевидны риски работы в простой группе — это практически то же самое, что и штурмовик. Также было очевидно, что роль беспилотных систем будет все возрастающей.

Недолго думая, я повторно пошел в военкомат. Первым работником пункта отбора на военную службу был какой-то вчерашний срочник, который сразу не произвел на меня впечатление человека, понимающего суть искомой мной вакансии, и поэтому я обратился к начальнику пункта. Тот внимательно выслушал меня и рассмотрев принесенный мной ФПВ-дрон, предложил самостоятельно съездить в одну из пехотных бригад, в которой в этот момент формировалось подразделение БпЛА. Так, перешагивая через себя, прослужив в спецназе и ЧВК несколько лет, я, изначально скептически настроенный к пехоте, поехал в один из типичных военных городков.

Меня встретило поле, которое иногда пересекал уцелевший кусок забора, это и называлась воинской частью. Треть зданий на этой территории были аварийными, что было видно, даже не приближаясь к ним. Следом я встретил множество раненых и инвалидов, движущихся из части и в часть, а также порочащих честь и достоинство своим нетрезвым видом солдат. Насколько мне стало известно позже, на этот счет даже ходила байка о том, что тех из пьяных военных, которые падают лицом в сторону части, обязательно поднимают и сопровождают, передавая своим командирам, а тех, кто падает лицом в противоположную от воинской части сторону, забирают в комендатуру и проводят все мероприятия согласно самовольному оставлению ими части.

В итоге я оказался в кабинете начальника кадров, но его в этот момент не было, и меня принял заместитель. Я рассказал товарищу майору о том, где учился и служил в Вооруженных силах, мы вместе вспомнили 201-ю военную базу и полигон Ляур в Таджикистане, Пальмиру и Хмеймим, Латакию и Дамаск в Сирии. Я также рассказал ему о пустыне Сахара и Триполи в Ливии и в целом о том, как служилось мне в ЧВК. Разговор сложился очень дружеским и теплым, и когда я уже подумал, что должность БпЛАшника у меня в кармане, он внезапно сказал:

— Слушай, ну у нас нет БпЛА.

— Так а зачем же ты меня все это время слушал?

— Ну интересно же! А Пригожин-то че? Жив?

Я был и возмущен, и одновременно удивлен, но заместитель начальника кадров предложил перейти дорогу через поле и зайти в другую пехотную часть. Мол там, точно есть БпЛА.

Я уже разочарованный и немного раздраженный подошел к воротам КПП соседней части. Дежурный сообщил мне, что сейчас обед и мне следует прийти через два часа, а лучше через четыре, потому что после будет построение. И вообще потом, скорее всего, все домой пойдут и лучше завтра. Оглянувшись вокруг еще раз и подумав, что, если война внезапно закончится, мне здесь еще придется дослуживать, я написал свой номер мобильного телефона, подписав «специалист БпЛА» и оставил бумажку на КПП. Нагло и без какой-либо надежды на то, что мне перезвонят.

Двигаясь домой на машине под веселую музыку, я уже представлял, как в составе группы СпН я героически, но надеясь лишь на фарт, а не на ум, выполняю задачи моей Родины. Но вечером, когда под бокал игристого прогуливал свои последние деньги и проводил время с любимой женой, мне позвонили.

— Здравствуйте, вы п*здатый беспилотчик?

— Да, это я!

— Расскажите о себе.

Затем следовало мое повествование, которое уже было отточено в кабинете начальника кадров.

— Отлично, сейчас с вами свяжется исполняющий обязанности начальника БпЛА старший лейтенант Красивая.

После чего я повествовал все то же самое прекрасному женскому голосу, который оказался начальником БпЛА в пункте постоянной дислокации. Прекрасный голос сказал:

— Великолепно, вы должны будете все это сейчас сообщить начальнику службы БпЛА, находящемуся на СВО.

И я в который раз рассказывал свою отточенную историю на этот раз внимательному, сосредоточенному голосу находящегося на СВО специалиста беспилотной службы. Дослушав, он сообщил мне, что это все прекрасно, но на данный момент в их воинской части нет вакансий для меня, однако в части через дорогу формируется подразделение БпЛА и там я буду сто процентов нужен. Конечно же, на этом мой отточенный рассказ прекратился, и я перешел на фольклор, рассказывая собеседнику о том, где я их оба поля через дорогу видал и почему, по моему мнению, в бюджетных ведомствах высокий некомплект на контрактных должностях. После этого со мной связался командир роты БпЛА, формируемой в части, в которую я ходил изначально. Он представился.

— Я «Медь», а тот помощник начальника кадров почему-то был не осведомлен о создании нового подразделения. У нас формируется рота БпЛА, и люди, которые соображают, нам, конечно, нужны.

Будучи прапорщиком, я мог рассчитывать на должность техника БпЛА. Это подразумевало бы обслуживание «Орлана-10», «Суперкама» или другого разведывательного дрона, но суть сводилась в итоге к тому, что мне нужно было бы подготовить самолет, запустить его в небо и чилить от двух до пяти часов, затем принять его на посадочной площадке, обслужить, отправить в небо и так по новой, если погода есть. А когда погода нелетная, просто героически принимать на себя все тяготы и лишения воинской службы в подразделении БпЛА. Меня это полностью устраивало. Но басистый голос «Меди» вдруг предложил:

— Я хочу предложить тебе должность командира ударного взвода.

— Командовать взводом дронов-камикадзе?

— Да.

— Я в целом не рассматривал такую должность. Ну, конечно, если это необходимо, я должен подумать, ведь я раньше был только заместителем...

— Через пару месяцев получишь звание лейтенанта.

— Я согласен!

Так началась моя служба командиром взвода БпЛА.

Госпитали

Эвакуация на «Урале» прошла без приключений, хотя каждая ямка приносила жуткую боль. Вколотый мне нефопам никак не помог. Хотя, быть может, на самом деле без него я бы упал в обморок от боли, не знаю. Но спустя час мы вышли на ровную асфальтированную дорогу и еще через пятнадцать минут приехали прямо к местному госпиталю, куда свозили всех раненых. Добровольцы-«барсы», которые ехали в свое расположение и не были ранены, помогли мне слезть, и я доложил «Меди» по рации, что приехал. Он сказал, что приедет через двадцать минут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.